

Библиографический список

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
2. Декларация принципов: Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии от 12 декабря 2003 г. // Всемирный саммит по информационному обществу. М., 2007.
3. *Хофстеде Г.* Модель Хофстеде в контексте: параметры количественной характеристики культур // Язык, коммуникация и социальная среда. 2014. № 12. С.10–45.

A.A. Landerova
Archetypes of the Russian Political Culture: Formation Origins

Formation origins of the Russian political culture are studied. The basic persistent images in the structure of political culture, manifesting its orientation towards collective identities are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the historical images of Byzantinism and Orthodoxy.

Key words and word-combinations: political culture, values, archetypes, national idea, archaization of traditions.

Исследуются истоки формирования архетипов политической культуры России. Анализируются основные устойчивые образы в структуре политической культуры, выражающие ее ориентацию на коллективные идентификации. Особое внимание уделяется анализу исторических образов византизма и православия.

Ключевые слова и словосочетания: политическая культура, ценности, архетипы, национальная идея, архаизация традиций.

УДК 323(470+571)
ББК 66.3(2Рос)

А.А. Ландерова

**АРХЕТИПЫ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ:
ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ**

Политическая культура определяется как одна из важнейших сторон гуманитарного измерения политики. Являясь неинституциональной системой, она охватывает политические традиции, ценности и установки политического поведения. Особенности политической культуры определяют характер политического процесса в разных государствах, степень согласованности групповых интересов, стабильности, политической предсказуемости.

Актуальность неинституциональных аспектов политики не вызывает сомнений: деятельность политических акторов, политических институтов всегда детерминирована устойчивыми традиционными архетипами политической культуры, которые действуют, но в большинстве случаев не осознаются акторами. Политическая наука становится все более культурно-центричной, исследование политической системы как механизма отхо-

дит на второй план. Политическая культура рассматривается в двух аспектах: во-первых, она выступает в качестве наследия, традиций, которые влияют на политику; во-вторых, политическая культура определяется как набор общих жизнеориентирующих ценностей.

Для понимания детерминированности политического сознания граждан политической культурой интересно рассмотреть теорию «фреймов». Существует несколько версий фрейм-анализа, в частности в социологии, психологии, лингвистике, кибернетике. Не углубляясь в его специфику по областям знаний, отметим, что во всех этих подходах фрейм определяется как устойчивая когнитивная структура, состоящая из знаний и ожиданий, облеченная в особую значащую форму репрезентации [1]. Попытаемся перенести данный методологический инструментарий на сферу политической культуры. Попытки подобного рода в области «политического» уже предпринимались учеными, например для анализа феномена «русской власти» [2]. Исходя из классического определения фрейма, данного И. Гофманом, можно понять, что фрейм как «интерпретативная схема» отличается двойственностью. Похожую двойственность можно наблюдать при трансляции политической культуры, когда привычные ориентации на политическую систему заключаются в особые формы и передаются населению посредством произнесения общеизвестных поговорок, символов или даже словесного истолкования поведения, то есть внешние проявления определяются привычным дискурсом.

Конкретные фреймы включают важные мировоззренческие установки, или архетипы политической культуры, а в роли механизма трансляции архетипов культуры выступает дискурс. Предпринятый нами анализ направлен на обнаружение взаимосвязи фреймов и политической обстановки, которая раскроет предпосылки формирования политической культуры России, подтверждаемый эмпирическими социологическими и историческими данными.

Понимание политической культуры России должно основываться на анализе наиболее эффективных исторических образов. Формирование в России нынешней политической культуры и национальной идеи корнями уходит в эпоху так называемого «возвращения» **византизма** в Россию. Именно в XV в. (1453 г.) произошли важнейшие события мирового масштаба, повлиявшие на складывание на Руси особого «духа». В этот период завершается процесс объединения земель вокруг Москвы, происходит падение Золотой Орды, а следовательно, освобождение Руси от вассальной зависимости. На фоне этого произошла гибель тысячелетней империи — падение Константинополя. Для России эти события предопределили ход истории, а также формирование особой национальной культуры наряду с ориентацией на Запад.

Сразу отметим, что ориентация на Константинополь и выбор его в качестве образца для развития были совершенно актуальными, соответствующими международной политической обстановке того времени [3]. Значение византизма для Российского государства можно рассматривать с разных позиций. С точки зрения философии и культурологии это культурное влияние на Россию. С точки зрения истории это национальный миф. Нас же в большей степени интересует политологическое понимание византизма как идеологии Третьего Рима, из чего и возрастают основные архетипы политической культуры.

Утверждение в национальном самосознании граждан веры в особое значение Русского государства, мессианиззм, главенствующую роль среди православных народов имело и негативные последствия. Реальная мировая политическая обстановка отошла на второй план: факты были заменены на мифы. На протяжении всей истории развития России наблюдается ориентация политики на внешний уровень: от попыток «реанимации» византийской идеологии и экспансии на Восток в X—XV вв. до защиты русского населения на юго-востоке Украины сегодня. При этом внутриполитические проблемы часто остаются без внимания, что, важно отметить, находит поддержку среди простых граждан.

Конечно, уже в то время имелись предпосылки для возникновения не только нового менталитета, но и собственной политической культуры. Одной из главных предпосылок можно считать **православие**, оформившееся в качестве основной духовной опоры общества. Православие уже на тот момент выполняло ряд важнейших функций: выступало в качестве духовной поддержки в освободительной борьбе с захватчиками; подкрепляло княжескую власть (Москва как теократический центр русских земель); сохраняло единство территориального пространства (борьба за расположение митрополита); обеспечивало национальную и государственную идентичность индивида.

Таким образом, православие изначально содержало в себе некий зародыш национальной идеи. По мнению русских идеологов, именно византизм и православие должны лечь в основу гражданского самосознания, став определенным рода идеалами. Византизм дал России импульс дальнейшего развития, принес с собой культуру, традиции, идеологию и вместе с этим оправдание возникших амбиций. Тогда же зарождается и смешение светской власти с церковной, которое проходит сквозь всю историю существования России, за исключением советского периода.

Подобный процесс затронул и сознание людей — слияние государственного и религиозного начал, что вылилось впоследствии в ряде сложившихся архетипов политической культуры. Внимание индивидов переориентируется на государя — возникает **персонификация власти**. Вера сводится к верности государству, что способствует зарождению настроений **подданничества, поклонения и служения**. Идет процесс огосударствления православия. Вечевая традиция государственности постепенно отходит на второй план, а потом совсем исчезает. Важно отметить, что трансформация осуществляется не на институциональном уровне, а на культурном: происходит вытеснение языческой культуры и договорной традиции государственности. Отсюда берет начало одна из главных доминант политической культуры — **патернализм**. Потребность в сильном лидере, в «сильной руке» государства постепенно стала необходимостью для россиян.

Настроения подданничества возникали на фоне сведения религии к формализму, доминирование национально-государственных задач над личностным началом повлекло за собой обнищание духовной жизни общества. Страх перед деспотизмом воплощался в социальном служении. «Послание Филофея московскому князю — первый документ, в котором этот менталитет оформляется в виде национальной идеи. Ее лейтмотив — тема русского одиночества в истории, на которое обречен избранный Богом народ» [4].

Русский философ Н. Бердяев говорил о явной парадоксальности российской политической культуры, о ее «жуткой противоречивости» [5; 6, с. 218–219]. Противоречивость политической культуры России, по его мнению, состоит в соединении анархизма и этатизма (государственничества), гуманизма и жестокости. В качестве основных причин этого он называл неразвитость личного начала, а также стихийный коллективизм, о котором речь пойдет далее. Его тезис о «женственной» природе русского народа вполне имеет право на существование. В данном контексте государство воспринимается как «мужское» начало, которое воплощается в «первом лице» государства. Лидер в данном понимании является гарантом законности и порядка, хотя его власть (что парадоксально) объясняется наличием харизмы, то есть она легитимна, но не всегда легальна.

Государственные проблемы всегда имели первостепенную важность для россиян. Многовековая история рабства тому подтверждение. В сознании народа прочно закрепились **идеи службы государству любой ценой**, поддержка государства даже ценой собственной жизни и имущества. Государство всегда преобладало в жизни и сознании народа, достаточно вспомнить лозунги, с которыми граждане шли в бой: «За веру, царя и Отечество» — и тезисы, которые формулировали российские идеологи: «Самодержавие, православие, народность». Постепенно происходит смешение многих понятий, в том числе патриотизма и лояльности режиму, истинная любовь к Родине смешивается с верноподданнической любовью к власти. Истинными же предметами национальной гордости и патриотизма следует считать семью и Родину.

А. Кара-Мурза, рассуждая о христианском либерализме в России, актуализирует мысли известного русского философа Ф. Степуна о соотношении религиозных и демократических начал [7]. Главный тезис последнего состоит в опровержении безбожности демократии. Продукт демократического уклада — утвердившийся человек, что невозможно как вне нации, так и вне религии.

А. Зубов называет либерализм «политической проекцией христианства», основанной на ценности свободы, как личной, так и свободы для «ближнего» [8]. Церковный раскол XVII в. оказал огромное влияние на развитие Российского государства. Влиятельные представители русского духовенства надолго отстраняются от государственного аппарата в лице царя. Русское духовенство самопривольно ушло в изоляцию от остального христианского мира, провозгласив самоуправление и независимость в XV в. Отсюда малообразованность, замкнутость, нежелание эволюционных изменений. Духовное невежество воплотилось в фактическом одобрении крепостного права и абсолютизма.

В этот период векторы христианства и либерализма в России кардинально разошлись. Однако важно понимать, что свобода, имеющая глубокий смысл для либерализма, неотделима от христианства. Объяснение этому довольно простое: только в религии можно найти достаточно оснований для уважения личности. Ссылаясь на «Три разговора» Владимира Соловьева, Е. Рашковский также видит в сфере религиозного основы уважения к личности и к видению себя ниже другого (в отличие от сфер экономики и права с их рациональной основой) [9]. Религиозность русского народа периодически подвергается

скептицизму. В. Кантор вслед за философом П. Флоренским выдвигает тезис о «**двоеверии**», то есть о религиозности наряду с **суеверностью**.

Политическая история России определяется двойственной ролью Церкви: являясь основой культурного развития и приобщения людей к нормам морали, она легитимизировала страшные формы лишения человека свободы как главной христианской ценности. Постепенно православная христианская культура локализовалась в России (в пространстве мира в целом), а идеи Третьего Рима преобразовались в политическую концепцию национального государства [9]. Отсюда — уверенность в обладании истинными ценностями, вселенскость, мессианизм, архаизация традиций.

Важно отметить общинные традиции Российского государства. Если в качестве основополагающего смысла власти на Западе выступает «общественный договор», когда общество поручает государственным органам выполнение ряда функций на заранее оговоренных условиях, то в России общество «вручает» свою судьбу в руки государя, руководствуясь принципом «семьи». Сохранение государства с его культурной целостностью в основе своей имеет принцип сакральной легитимности главы государства. Архаизм привел к расколу между властью (образованной) и обществом (необразованным в силу упомянутых причин).

Единоличная власть, справедливая и сильная — идеал российских граждан, когда появляется вера в авторитет, готовность к полному подчинению. Однако вера в «общее дело» в определенный момент негативно сказывается и на самой власти. Если всеобщий лидер действует вразрез с национальными переживаниями, то терпению народа в определенный момент все же наступает конец. Образ лидера меркнет, и его, как правило, жестоко «свергают». Именно поэтому политические лидеры в России, уходя с политической арены, подвергаются всеобщей и резкой критике, после чего отвергаются либо погружаются в политическое небытие.

Стоит заметить, что каждый последующий исторический период в политическом смысле отрицал предыдущий. Смена этапов происходила каждый раз революционно, когда уничтожались конкретные формы государственной жизни, утрачивались накопленные достижения, ценности. С этим связано еще одно проявление русской политической культуры — **неспособность к эволюционному изменению системы**, неумение решать конфликты мирно. Крахом социального порядка заканчивается каждый очередной исторический период в развитии Российского государства.

Однако, по мнению И. Глебовой, подобный феномен объясняется значением авторитета для российских граждан: политический авторитет используется в качестве каркаса для ценностных ориентаций [11]. Функция его в данном понимании сугубо практическая: определенный лидер устраивает общество в определенный момент развития, то есть транслирует актуальные на тот период ценности. Следовательно, власть не предлагает систему ценностей, а соглашается с господствующей в обществе, продолжая распространять их. По сути, лидеры выполняют в данном случае свою основную функцию — отвечают и реагируют на настроения социального большинства.

Таким образом, в центре структуры политической культуры изначально

формировались устойчивые образы, функционально выражающие ее ориентацию на различные коллективные идентификации, что никак не может сочетаться с индивидуалистическими ориентирами. При этом каждый из устойчивых образов работает на усиление другого. В ходе данного исследования удалось изучить основные предпосылки формирования архетипов политической культуры, выявив основные образы прошлого: духовность, подданничество, персонализацию власти, патернализм, мессианизм. Подобные архаичные традиции легли в основу российской политической культуры, обеспечив сложность процесса эволюционного изменения системы политики в целом.

Библиографический список

1. *Вахштайн В.С.* [Рец.] Социология повседневности Ирвинга Гофмана: от «практики» к «фрейму»: И. Гофман. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ.; под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г.С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003 // Социологическое обозрение. 2007. № 1.
2. *Розов Н.С.* Специфика «русской власти», ее ментальные структуры, ритуальные практики и институты // Полис. 2011. № 1. С. 29–41.
3. *Сургуладзе В.Ш.* Борьба за историческую идентичность // Свободная мысль. 2015. № 3 (1651). С. 151–164.
4. *Скоробогачкий В.В.* Россия на рубеже времен: новые пути и старые вехи. Екатеринбург, 1997.
5. *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1918.
6. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Париж, 1977.
7. *Кара-Мурза А.А.* К истории христианского либерализма в России // Российский либерализм и христианские ценности: материалы круглого стола журнала «Полис» // Полис. 2011. № 3.
8. *Зубов А.Б.* Причины антицерковности русской либеральной интеллигенции // Там же.
9. *Раиковский Е.Б.* К вопросу о библейских корнях либеральной культуры // Там же.
10. *Жукова О.А.* Проблемы культурной идентичности России и политический опыт христианских либералов // Там же.
11. *Глебова И.И.* Политическая культура России: образы прошлого и современность / отв. ред. Ю.С. Пивоваров; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. М., 2006.